

На правах рукописи

УДК: 82.091

Патракова Ольга Николаевна

**СЮЖЕТ О «СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЕ» ВО ФРАНЦИИ И РОССИИ:
ОТ ФОЛЬКЛОРА К ЛИТЕРАТУРЕ И БАЛЕТНЫМ ЛИБРЕТТО**

Специальность: 5.9.2. Литературы народов мира
(филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2026

Работа выполнена на кафедре истории зарубежных литератур федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории зарубежных литератур федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Алташина Вероника Дмитриевна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Павлова Светлана Юрьевна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела пушкиноведения федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Дмитриева Нина Львовна

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

Защита состоится «29» апреля 2026 года в 14:00 на заседании Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 33.2.018.21, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», по адресу: 199004, г. Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, д. 52, ауд. 48.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48, корп. 5) и на сайте университета по адресу: https://dissertation.spb.ru/Preview/Vlojenia/000001190_Disser.pdf.

Автореферат разослан «__» _____ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор педагогических наук, доцент

Ядровская Елена Робертовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Сюжет о «Спящей красавице» широко распространен в культуре различных стран и эпох. Шарлотта Тренке в книге «Французская волшебная сказка: итальянские традиции и аристократические корни» отмечает, что «Спящая красавица», наряду с «Золушкой», является частью мирового культурного наследия и вызывает наибольшее восхищение читающей публики на протяжении многих веков¹. Сюжет целиком или отдельные его фрагменты находят отражение в античных мифах, фольклоре, средневековых анонимных новеллах, авторских сказках. Кроме того, известный нарратив со временем выходит за рамки литературной традиции и распространяется в различных искусствах: театре, балете, кинематографе, живописи.

На почве французской и русской культур возникли два знаковых произведения, получивших всемирную известность и ставших хрестоматийными для современного восприятия сюжета, – это литературная сказка XVII в. Ш. Перро «Спящая красавица» и одноименный балет П.И. Чайковского, поставленный в конце XIX в. на петербургской сцене И.А. Всеволожским и М. Петипа. Французская «Спящая красавица» легла в основу либретто русского балета, но связью данных произведений русско-французский диалог культур на тему сюжета о «Спящей красавице» не исчерпывается, приобретая все новые формы, порождая новые прочтения классической сказки.

Длительный путь трансформаций сюжета, от его зарождения до современных актуализаций, нуждается в разностороннем изучении, позволяющем прояснить причины жизнестойкости исследуемой сказки и ее востребованности в культуре, а также выявить специфические особенности каждой отдельно взятой «репризы», вызванные влиянием местного колорита, художественной авторской интенции или культурно-исторической парадигмы той или иной эпохи. Учитывая, что широкая известность сюжета вытекает преимущественно из его литературных и балетных воплощений, в настоящей

¹ Trinquet Ch. Le conte de fées français (1690–1700): Traditions italiennes et origines aristocratiques. Tübingen: Narr Verlag, 2012. P. 189.

работе мы обратились к диалогу искусств Франции и России именно в рамках литературы и балета.

Объектом исследования является сюжет о «Спящей красавице» в его фольклорных, литературных и балетных формах бытования, относящихся к русской и французской культурам, а **предметом** – структурные, семантические и стилистические особенности и трансформации сюжета о «Спящей красавице» в трансфикциональном и трансмедиальном диалоге культур.

Материалами исследования послужили записи русской и французской фольклорных сказок на сюжет о «Спящей красавице» – «Волшебное зеркальце» из сборника 1855–1863 гг. «Народные русские сказки» А.Н. Афанасьева и «Заснувшая красавица» (фр. «La Belle endormie») из сборника 1891 г. «Народная антология региона Альбре» (фр. «Anthologie Populaire de l'Albret»), составленного Л. Дарди; первые письменные фиксации сюжета в европейской литературе – вставная новелла о Троилусе и Зеландине из рыцарского романа XIV в. «Персефорест» (фр. «Le roman de Perceforest»), окситанская новелла XIV в. «Братец-радость и Сестрица-удовольствие» (окс. «Frayte de Joy et Sor de Plaser»), сказка XVII в. «Солнце, Луна и Талия» (ит. «Sole, Luna, e Talia») из сборника Дж. Базиле «Сказка сказок или Пентамерон» (ит. «Lo cunto de li cunti»); литературные сказки – «Спящая красавица» (фр. «La Belle au bois dormant») Ш. Перро 1697 г., «Принцесса Веснянка» (фр. «La Princesse Printanière») 1697 г. и «Лесная лань» (фр. «La Viche au bois») 1698 г. М.-К. д'Онуа, «Спящая царевна» В.А. Жуковского 1831 г.; либретто О.Э. Скриба к французскому балету композитора Л.Ж.Ф. Герольда в постановке Ж.-П. Омера 1829 г. «Красавица спящего леса» (фр. «La Belle au bois dormant»), либретто И.А. Всеволожского и М. Петипа к балету «Спящая красавица» 1890 г. на музыку П.И. Чайковского, современная запись одной из постановок балета в Мариинском театре.

Степень научной разработанности проблемы. К анализу проблемы зарождения сюжета и специфики отдельных произведений на сюжет о «Спящей красавице» неоднократно обращались как отечественные, так и зарубежные исследователи разных эпох. Первые литературоведческие работы, посвященные

преимущественно мифологическим истокам сюжета или его воплощению в сказке Перро, появляются уже в XIX в. и принадлежат французским авторам, к примеру, Ж. Коллен де Планси (1826), Г. Юссон (1874), Ш. Делену (1878), Ф. Диллею (1880).

Научный интерес к исследуемой теме сохраняется и в XX–XXI вв., когда, с одной стороны, возникает «мода» на обращение к ранним фиксациям известных сюжетов, а с другой стороны, обретают новое прочтение классические и уже прочно вошедшие в поле зрения исследователей произведения. Тем или иным особенностям поэтики, стилистики или рецепции сказки Перро посвящали свои труды Л. Феликс-Фор-Гойо (1910), Н.П. Андреев (1936), М. Сориано (1968), Б. Беттельгейм (1976), Ж. Мениль (1988), П. Сентив (1990), А.Ю. Гайдукова (1997), Л.Г. Викулова (2001), У. Хайдеман (2010), Ж.-М. Адам (2012), Ш. Тренке (2012), В.А. Луков (2016), В.Д. Алташина (2016, 2017), Ж. Герен (2017), П.-Е. Муг (2018). «Спящую царевну» Жуковского анализировали в своих работах А.Н. Веселовский (1904), Ц. Вольпе (1940), С.В. Березкина (1985, 2011, 2016), М.А. Артамасова (2001), С.Н. Еремеев (2005), М.А. Ковалева (2015), А.С. Янушкевич (2011), Н.Р. Эфендиева (2015), Е.А. Жесткова (2016), С.М. Шаврыгин (2020) и другие. Целый спектр исследований балетоведов, искусствоведов и музыковедов посвящен балету Чайковского.

Другие, менее известные формы бытования сказки, а также интертекстуальные связи различных вариаций сюжета в диалоге культур на сегодняшний день остаются в тени исследовательского интереса.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Прежде всего – значимостью его результатов для теоретических парадигм, востребованных в современной науке. В частности, в последние десятилетия в литературоведении появляется все больше работ, связанных с проблемами интермедиальности, трансмедиальности и трансфикциональности, последняя нередко изучается на материале паралитературы, частью которой являются сказки. Не угасает интерес исследователей и к популярному в наши дни жанру фэнтези, имеющему мифологические и фольклорные корни, а также к сказочным

сюжетам как таковым: сказка, народная и авторская, становится объектом внимания литературоведов, фольклористов, культурологов, антропологов, психологов. Наконец, актуальность темы связана с широкой распространенностью самого исследуемого сюжета в культуре.

Научная новизна исследования заключается в обращении не только к классическим, известным текстам на сюжет о «Спящей красавице», но и к анализу его вариаций, ранее не исследованных ни в отечественном, ни в зарубежном литературоведении. Расширение корпуса текстов и включение в поле исследования «периферийных» произведений позволяет проследить путь развития сюжета – от зарождения и проникновения в литературу из фольклора и мифологии до «выхода» из литературы в пространство другого искусства. В исследовании впервые систематизируются различные взгляды на проблему генезиса сюжета, проясняется его связь с другими сюжетными типами и исследуется трансмедиальный переход сказки в искусство балета – выявляются трансформации литературного нарратива в балетных либретто, анализируются пути конструирования нарратива невербальными медиумами. При этом каждое из произведений, вошедших в корпус материалов исследования, рассматривается не изолированно, а во взаимосвязи с богатой традицией, с иной культурой. Подобный сопоставительный, интертекстуальный и кросскультурный взгляд позволяет изучить особенности сюжета на разных этапах исторического развития и определить внутренние характеристики, благодаря которым сюжет остается востребованным на протяжении веков.

Гипотеза исследования состоит в том, что сюжет о «Спящей красавице», находя все новые воплощения в культуре, сохраняет в своем ядре следы фольклорного функционального каркаса, «подвижность» и лаконичность которого обуславливают вариативность прочтений сказки и позволяют сюжету служить пространством для авторских экспериментов, обретать новые мотивировки, актуальные для той или иной эпохи.

Целью исследования является изучение нарративных трансформаций и художественной специфичности различных вариаций сюжета о «Спящей

красавице» в трансфикциональной и трансмедиальной перспективах, поиск причин многовековой жизнестойкости и актуальности сюжета в культуре.

К наиболее общим **задачам исследования** относятся:

- систематизация ключевых подходов к анализу фольклорно-мифологических истоков сюжета;
- сравнительный анализ народных сказок на исследуемый сюжет, выделение его структурно-семантического ядра;
- анализ ключевых направлений актуализации сюжета на раннем этапе его перехода из фольклора в письменную традицию;
- выявление семантико-стилистической специфики классических литературных сказок о «Спящей красавице», анализ интертекстуального диалога традиций и трансформаций в игре по «переписыванию» сюжета-палимпсеста;
- обращение к трансмедиальному переходу «Спящей красавицы» в искусство балета, изучение проблематики и стилистики либреттных текстов на исследуемый сюжет, анализ ключевых способов перевода фольклорно-литературного нарратива на язык медиумов балета.

Методологической основой исследования стал комплексный подход, сочетающий обращение к различным теоретическим парадигмам в зависимости от специфики анализируемых в той или иной части исследования источников. При изучении фольклорных текстов используется структурный метод, для анализа авторских литературных сказок применяются классические методы (культурно-исторический, компаративистский, методы семантико-стилистического, нарратологического и интертекстуального анализа) и новейшие литературоведческие концепции – феномен «переписывания» (фр. *réécriture*) и теория трансфикциональности. При анализе репрезентаций сюжета в искусстве балета в настоящей работе используются интермедиальные и трансмедиальные подходы.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) Смысловое ядро сюжета лаконично, имеет лишь две константы – летаргическое состояние героини и ее спасение мужским персонажем, что

сближает два традиционно разграничиваемых сюжета о Спящей и Мертвой царевнах и свидетельствует о том, что мотивы сна и смерти в исследуемой сказке оказываются неотделимыми. Семантика сюжетного ядра связана с двумя концепциями – мифологической и антропологической, общей сутью которых является осмысление процессов умирания и воскрешения.

2) Функциональный каркас фольклорных сказок на сюжет о «Спящей красавице» относительно стабилен и включает такие элементы, как околдование героини, ее сон, стремление мужского персонажа найти спящую девушку, обнаружение и пробуждение героини. Данные функции переходят практически во все известные вариации сюжета. При этом отдельные отклонения фольклорного сюжета от традиционной схемы создают функциональную лакуну, которая, наряду с крайней лапидарностью самого сюжета, порождает многообразие вариаций и интерпретаций сказки.

3) Переход «Спящей красавицы» из фольклора в литературу строится на взаимосвязи традиций и новаторства: первые фиксации сюжета в письменной традиции, сохраняя древнее ядро, актуализируют фольклорный нарратив различными средствами, а особенности этой актуализации становятся зачатками будущих подходов к «переписыванию» сказки в современной литературе.

4) Авторы литературных сказок превращают сюжет в поле для собственных литературных экспериментов. Перро проблематизирует морализаторский потенциал сказки, наделяет текст ироничными замечаниями и фривольными намеками, предлагая читателю игру по поиску скрытых смыслов истории. Мадам д'Онуа, напротив, вкладывает в сюжет конкретную мораль, вступает в интертекстуальную полемику с Перро, наделяет главную героиню активной ролью. Жуковский делает акцент на стилистике текста, его эстетической составляющей.

5) Переход в искусство балета открывает еще большее поле для модификации классического сюжета. В либретто Скриба внешне сохраняется традиционное ядро сказки, но это ядро становится своеобразной «ширмой», за которой скрывается история с новой проблематикой, построенная на антитезах

комического и драматического, фантастического и бытового. Создатели русского либретто остаются верны классическому сюжету, хотя и акцентируют некоторые ранее нетипичные для сказки семантические категории. Невербальный нарратив балета оказывается более многозначным, чем словесное повествование, что связано с его фокализацией и с сочетанием в нем различных медиумов.

Достоверность результатов исследования обеспечена выбором материала, включающего в себя корпус как фольклорных, так и авторских произведений различных эпох и различной медиальной природы, а также сочетанием методов анализа, учитывающих специфику источников и принадлежащих к нескольким теоретическим парадигмам.

Теоретическая значимость работы заключается в создании общей картины зарождения и развития сюжета о «Спящей красавице» в диахронии, в осмыслении важных для истории и теории литературы феноменов трансфикциональности и «переписывания» фольклорно-мифологического нарратива в авторских текстах, в выявлении путей и форм русско-французского диалога искусств при обращении к сюжету, в разработке трансмедиального подхода, применимого к анализу бытования вербального нарратива в балете.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью применения его результатов в преподавании учебных дисциплин, связанных с фольклористикой, историей отечественной и зарубежной литературы, компаративистикой, нарратологией, культурологией, интермедиальностью и трансмедиальностью, в составлении учебных и методических пособий по указанным дисциплинам. Результаты работы могут быть использованы при составлении вступительных статей, примечаний и комментариев к новым изданиям произведений на исследуемый сюжет.

В рамках **апробации результатов** исследования основные положения, связанные с тематикой диссертации, были представлены автором в докладах на 16 международных, всероссийских и зарубежных научных конференциях: XXIV международная Открытая конференция студентов-филологов Санкт-

Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ, 2021), XXV международная Открытая конференция студентов-филологов Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ, 2022), Конференция филологического факультета университета Сорбонна «Journée d'étude interdisciplinaire sur le genre» (Сорбонна, 2022), IV Международная конференция «Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования» (СПбГУ, 2022), LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (СПбГУ, 2023), XIV Всероссийская научная конференция по эстетике экранизации «Сказка как нарративная модель в литературе и кино» (ВГИК, 2023), IX Международная конференция «Синтез документального и художественного в литературе и искусстве» (Казанский федеральный университет, 2023), Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Русская и зарубежная филология в диалоге культур» (ЮФУ, НИУ ВШЭ, 2023), II Международная научная конференция «Романо-германские литературы: традиции и современность» (Белорусский государственный университет, 2023), LII Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (СПбГУ, 2024), XXVII Всероссийская научная конференции «Роль традиций в литературном процессе» (РГПУ им. Герцена, 2024), Международная научная конференция «V Воропановские чтения» (КГПУ им. В.П. Астафьева, 2024), IV Международная конференция «Фантастическое в литературе и культуре: теория вымышленных пространств» (ИМЛИ РАН, 2025), LIII Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (СПбГУ, 2025), III Международная научно-практическая конференция «Профессиональный полилог в мультилингвальном мире: язык, культура, метод» (МГИМО, 2025), Всероссийская научная конференция «Литература в соотношении с иными формами культуры» (РГПУ им. Герцена, 2025). Диссертация обсуждалась на аспирантском семинаре на кафедре истории зарубежных литератур СПбГУ.

По теме диссертации опубликовано 11 работ, в том числе 5 статей в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ (2 из которых – в изданиях, индексируемых в базах цитирования Scopus и Web of Science): 4 статьи по специальности 5.9.2 и 1 статья по смежной специальности.

В структуру работы, изложенной на 293 страницах, входят введение, три главы, заключение, список литературы и приложения. Список литературы насчитывает 249 наименований, приложения содержат 17 страниц иллюстративного материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** формулируются объект и предмет исследования, его цель и задачи, определяется методология, обосновываются актуальность и научная новизна работы, анализируется степень научной разработанности темы, приводятся выносимые на защиту положения, определяются теоретическая и практическая значимость исследования, даются сведения об апробации и о структуре работы.

Первая глава **«Генезис сюжета о “Спящей красавице” в европейской фольклорной и литературной традиции»** посвящена истокам сюжета в мифологии, фольклоре и ранних письменных памятниках европейской литературы.

В разделе 1.1. **«Положение сюжета в классификациях народных сказок»** выделяются ключевые особенности функционального ядра нарратива, выявляется его связь с другими сюжетными типами, главным из которых оказывается ATU² № 709 («Белоснежка»). Выясняется, что типы ATU № 410 (собственно «Спящая красавица») и № 709 не всегда разграничиваются как два отдельных сюжета, поскольку их общее ядро очень лаконично и имеет лишь две константы – летаргическое состояние героини (так называемый «глубокий обморок») и ее спасение мужским персонажем.

² ATU-index – Индекс Аарне–Томпсона–Утера, общепризнанный международный указатель сюжетов фольклорных сказок. Его базовые единицы – сюжетные типы, каждый из которых имеет свой номер и краткое описание, резюмирующее «ядро» того или иного сюжета.

В разделе 1.2. **«Связь мотивов сна и смерти в европейской культурной традиции»** исследуется взаимосвязь двух ключевых мотивов, которые легли в основу сюжетного ядра «Спящей красавицы». Эта связь с античных времен была важна как в мифологии, так и в различных религиях и ритуальных действиях, что отразилось и в фольклоре: сказки на сюжет АТУ № 709 о «Мертвой царевне» («Белоснежке») и АТУ № 410 о «Спящей красавице» являются родственными и в основе своей содержат одно и то же функциональное ядро.

В разделе 1.3. **«Семантическое ядро сюжета: миф и ритуал»** анализируются исторические корни сюжета о «Спящей красавице», выделяются две основные группы предпосылок его возникновения: мифологическая и антропологическая. Во всех мифологических трактовках сюжета сон и пробуждение героини являются персонификацией смены лет, сезонов или дней, то есть связываются с представлениями о круговом времени. Антропологическая трактовка основывается на родственности мотивов сна и смерти: сказка в сжатой форме содержит отголоски древнейшего обряда инициации. Эти подходы не противоречат друг другу, поскольку их общей сутью является осмысление процессов умирания и воскрешения, с тем отличием, что в первой группе они связываются с персонификацией природно-временных циклов, а во второй – с изменением функционального состояния человека при его переходе в иной социальный статус во время обряда инициации через временную смерть и воскрешение.

В разделе 1.4. **«Народные сказки»** проводится компаративный анализ русской и французской фольклорных сказок на сюжет о «Спящей красавице». Параграф «Французская народная сказка “Заснувшая красавица”» посвящен структурно-семантическим особенностям фольклорной сказки, записанной на территории Франции, а в параграфе «Русская народная сказка “Волшебное зеркальце”» рассматривается русская народная вариация сюжета и сравниваются две истории, что позволяет глубже понять их структуру и архаические корни. Функции, не совпадающие в двух текстах, свидетельствуют о привнесенных в

сюжет более поздних мотивировках или о контаминации нескольких сюжетных типов в рамках одной сказки.

Функции, входящие в инвариантную часть сюжета, его ядро – это, прежде всего, *вредительство* (околдование героини и ее сон), *недостача* (стремление мужского персонажа найти героиню), обнаружение героини мужским персонажем и пробуждение. Основной особенностью ядра становится нетипичное для народной сказки удвоение функции *вредительство* и *недостача*, следование наррации последовательно за разными героями, одновременная ликвидация *беды* и *недостачи* (пробуждение героини), встреча героев, их *свадьба*. Отклонение функций от традиционной схемы определяет важную особенность сюжета, связанную с его жизнестойкостью в культуре: обратившись к действиям героя-искателя, сказка на некоторое время «забывает» о главной героине, которая не проходит традиционных испытаний и остается неактивной на протяжении значительного времени, что создает функционально-семантическую лакуну и способствует появлению большого количества позднейших интерпретаций сюжета, наполненных новыми мотивировками.

В разделе 1.5. «**Первые письменные фиксации сюжета**», состоящем из трех параграфов (««Персефорест»», ««Братец-радость и Сестрица-удовольствие»», ««Солнце, Луна и Талия»»), рассматриваются ключевые изменения сюжета-паттерна при переходе фольклорно-мифологического нарратива в средневековую литературу. Анализ элементов функциональной структуры и художественной специфичности вставной новеллы в составе французского анонимного рыцарского романа, анонимной окситанской новеллы и более поздней неаполитанской сказки позволил установить, что данные источники, с одной стороны, сохраняют и закрепляют в традиции общее функционально-семантическое ядро сюжета, а с другой стороны, актуализируют фольклорный нарратив посредством различных факторов, ключевыми из которых являются следующие: интеграция сюжета в ткань романа или в культурную парадигму эпохи; переосмысление стершихся мотивировок; включение в сказку как фантастических, волшебных элементов, так и

исторических, бытовых реалий; расширение отдельных функций персонажей; обретение персонажами собственных характеров, появление чувственных переживаний; философское осмысление актуальных концептов той или иной эпохи; стилистическая игра; проявление авторской интенции через смену тональностей и вкрапления комментариев нарратора. Эти факторы останутся актуальными и для будущих подходов к «переписыванию» сказок, а тенденции смещения традиций и новаторства в репрезентации сюжета обеспечат его стойкость и станут основой для возрождения и развития сказки в литературе Нового времени.

Проведенный в первой главе анализ позволил определить истоки сюжета о «Спящей красавице», выявить через сопоставление сказок фольклорной традиции двух стран функционально-семантическую специфику сюжетного ядра и проследить способы реализации ключевых функций сюжета в его ранних письменных фиксациях, заложивших основу дальнейшего закрепления сказки в культуре.

Вторая глава **«“Спящая красавица” в литературе Франции и России: от XVII к XIX веку»** посвящена переходу сюжета в жанр авторской литературной сказки во Франции и в России.

В разделе 2.1. **«Зарождение жанра литературной сказки во Франции. III. Перро и мадам д’Онуа»** освещаются ключевые социальные и эстетические парадигмы, объясняющие внимание к жанру сказки со стороны французских авторов, определяется контекст становления литературной сказки во Франции конца XVII в., когда жанр обретает популярность среди публики высшего света, постепенно закрепляется в литературе. Перро использует сказку как инструмент в теоретическом споре (о древних и новых) и одновременно интересуется ею как развивающимся модным жанром, потенциал которого не ограничивается литературными играми в аристократических салонах, является полем для художественных экспериментов. Мадам д’Онуа поддерживает новых в их поисках, органично развивая ту ветвь литературы, где авторство дамы наиболее соответствует ожиданиям и традициям эпохи.

В разделе 2.2. «Сюжет о “Спящей красавице” во Франции XVII в.: традиции и трансформации» представлены непосредственно формы бытования сюжета во французской литературе конца XVII в. Первые два параграфа раздела («Источники сказки Ш. Перро» и «Авторская трансформация сюжета: семантика и стилистика сказки Ш. Перро») посвящены вопросу о влиянии различных гипотекстов на «Спящую красавицу» Перро, а также ключевым художественным особенностям французской сказки в контексте авторской модификации сюжета-палимпсеста.

Если вопрос о возможном знакомстве автора с окситанской новеллой «Братец-радость и Сестрица-удовольствие» остается открытым, то связь сказки Перро с фольклором подтверждается совпадением определенных мотивов, отсутствующих в ранних литературных фиксациях сюжета и характерных для народного варианта. Связь «Спящей красавицы» и со вставной новеллой из романа «Персефорест», и со сказкой Базиле «Солнце, Луна и Талия» оказывается очень тесной. Перро пользуется особым методом – практически в равной степени заимствует функциональные элементы обеих историй, французской и итальянской, «переплетая» их между собой и используя смысловые элементы одной сказки, чтобы заполнить лакуны стершихся мотивировок другой.

Ритуальный топос и элементы феерии у Перро несут эстетическую функцию, вносят в повествование элемент «красивой магии», тесно соседствуя с бытовыми деталями реального мира, погружающими нарратив в определенный историко-социальный контекст и позволяющими не только отразить в сказке современную автору эстетику и вкусы высшего света, но и предложить обществу своеобразное зеркало, где иронично высвечиваются его нравы. Выявляется связь между двумя частями сказки Перро (до и после пробуждения героини), многие элементы которых находят зеркальное отражение, что одновременно противопоставляет и тесно связывает мир феерии и мир реальности. Реальное зло оказывается куда опаснее «сказочного», оно порой ничем не мотивировано, а спасение героине приносит собственная добродетель и равнодушие окружающих людей. При этом Перро далек от простого дидактического

морализаторства, предлагая читателю особую игру по поиску «разумной морали», благодаря чему сказка приобретает иронический подтекст и многослойность.

В последнем параграфе раздела («Элементы сюжета о “Спящей красавице” в сказках мадам д’Онуа») рассматриваются различные «следы» сюжета в произведениях одной из современниц Перро. В нескольких сказках писательницы («Истории принцессы Ясной Звездочки и принца Милона», «Дельфин», «Золотая ветвь») встречаются отдельные интертекстуальные отсылки к сюжету, а в двух историях («Принцесса Веснянка» и «Лесная лань») полностью воспроизводится классический зачин «Спящей красавицы». Мадам д’Онуа намеренно отталкивается именно от сказки Перро, вступая в диалог со своим современником, проблематизируя отдельные аспекты его повествования. Впервые в фольклорно-литературной традиции сюжет обретает героиню, наделенную не только красотой и талантами, но и способностью проходить различные испытания, трансформироваться духовно, самостоятельно избирать судьбу. В сказках появляются элементы рефлексии нарратора над ролью женщины в современном обществе, над опасностью, исходящей со стороны мужчин и от любовного чувства в целом. Такой подход не обретет немедленной славы, героиня будет «спать» еще несколько веков – в классической литературе, балетах и кинематографе, и лишь в искусстве XXI в. взгляд мадам д’Онуа вновь станет актуальным.

Раздел 2.3. «“Спящая царевна” В.А. Жуковского: русский взгляд на европейский сюжет», состоящий из трех параграфов, посвящен первой русской литературной вариации «Спящей красавицы».

В первом параграфе раздела резюмируются причины заинтересованности Жуковского литературной сказкой, показывается, что для Жуковского – романтика сказка была источником мистического, ирреального опыта, а как переводчик, он стремился ввести в русскую литературу новые сюжеты, давно знакомые европейскому читателю. Еще одной причиной высокой значимости сказки для поэта становится интерес к идее русской народности, к русскому

фольклору. Повлияло и внимание со стороны других известных писателей эпохи к жанру, находящемуся в процессе становления и поиска определенных эстетических и философских ориентиров.

Во втором параграфе систематизируются подходы к проблеме влияния на «Спящую царевну» Жуковского литературных гипотекстов, преимущественно – сказки братьев Гримм «Dornröschen» («Шиповничек», в другом переводе – «Царевна-шиповник») и «Спящей красавицы» Ш. Перро. Большинство исследователей считают, что, обращаясь к известному сюжету, Жуковский ориентировался исключительно на его немецкий вариант. Это мнение опровергается в третьем параграфе главы, где проводится сопоставительный анализ четырех текстов: сказки Перро; точного перевода «Шиповничка» на русский язык; прозаического переложения сказки братьев Гримм, выполненного самим Жуковским в 1826 г. («Колючая роза»); непосредственно сказки «Спящая царевна». Доказывается, что, хотя в выборе сюжетного каркаса Жуковский действительно следует за немецким вариантом сказки, уже в «Колючей розе», а затем и в поэтической «Спящей царевне» появляются элементы, больше связанные с французской традицией бытования сюжета.

Жуковский обращался к тексту Перро и заимствовал из него отдельные детали, но в гораздо большей степени «диалог» Жуковского с Перро проявляется не на уровне структуры, а на уровне самого подхода к «переписыванию» сказки и наделению древнего функционального каркаса «телом и духом», отражающим собственную эстетическую концепцию автора. Если нарратив братьев Гримм остается вне времени и пространства, то русский и французский авторы соотносят его с определенными географическими и хронологическими рамками, достигая этого разными методами: Перро с помощью ввода реалий современной ему эпохи соотносит сказку с актуальными проблемными вопросами, а Жуковский решает скорее эстетическую задачу, воссоздает в литературном произведении дух русской народной сказки, помещает сюжет во времена Древней Руси, практически лишает его связи с современностью. Жуковский не стремится ни «воскресить» стершиеся мотивировки сюжета, ни заменить их

новыми морально-нравственными парадигмами. Развитие и динамизм знакомой истории здесь отходят на второй план, а главным становится ее «очищение» и эстетизация. Посредством многочисленных «картин», нарративных пауз, автор предлагает читателю погрузиться в мир красивого волшебства, фантастических превращений и народной мудрости.

Итогом второй главы послужило выявление ключевых особенностей сюжета в жанре литературной сказки. Было показано, каким образом литературные вариации «Спящей красавицы», вступая в интертекстуальный диалог, становятся пространством для выражения авторских интенций, наделяются семантико-стилистической спецификой и актуализируют исследуемый сюжет.

Третья глава **«Трансмедиальный переход: “Спящая красавица” в искусстве балета»** посвящена бытованию сюжета на балетной сцене.

В разделе 3.1. **«Первый балет на сюжет о “Спящей красавице”»** изучаются трансформации сюжета в либретто О.Э. Скриба к французскому балету «Красавица спящего леса». В первом параграфе раздела приводится исторический контекст создания балета, выделяются факторы, свидетельствующие об успехе постановки в первые годы после премьеры (известность создателей балета и исполнителей главных партий, количество показов спектакля, его перенос в другие театры, масштабность постановки, задействование новаторской машинерии).

В двух следующих параграфах работы отражены структурные, семантические и стилистические особенности либретто Скриба. Сохраняя ряд ключевых функций, берущих начало еще в фольклорной традиции, а также набор узнаваемых элементов, закрепившихся в сюжете на этапе его перехода в литературную сказку, автор все же существенно трансформирует историю, меняя не только ее медиальную, но отчасти и жанровую принадлежность: нарратив обретает одновременно черты феерии, фарса и драматического повествования. Формально Скриб сохраняет внешнюю рамку сюжетного ядра,

но вкладывает в нее новые мотивировки и несвойственные классической сказке сюжетные повороты.

Ключевой художественной чертой балета является положенный в его основу принцип бинарности: системы антитез пронизывают текст либретто на различных уровнях – это и романтическое двоemiрие фантастического вымысла и реальной повседневности, и оппозиция чудесного и рационального, и чередование драматической и иронической тональностей, и противопоставление героизма человеческой слабости, богатства замка – бедности деревенских жителей. Связь маркеров фольклорного хронотопа с оппозицией мира живых и мира мертвых в балете уступает место новой рамке их восприятия, связанной с отражением границы между миром фантастического вымысла и миром реальной повседневности.

Если фантастическое в балете призвано погрузить зрителя в топос иного мира, неизданного, опасного и одновременно чарующего, то изображение реальной действительности затрагивает социальную проблематику, освещает пороки, страсти и переживания людей, придает повествованию драматизм и психологизм. Нестабильность фантастики, ее мгновенное «растворение» в мире бытовой повседневности поддерживается посредством комической тональности. Роль зла в балете релятивизируется, а прямое морализаторство отсутствует, что дает зрителю право самостоятельно избрать оптику прочтения истории, построенной на постоянной игре бинарных оппозиций.

Финальный раздел исследования 3.2. **«Спящая красавица» П.И. Чайковского, И.А. Всеволожского и М. Петипа** касается репрезентации сюжета в одном из самых известных балетов в мировом культурном наследии.

В параграфе «Влияние французского балета» проводятся параллели между русским спектаклем и французской «Красавицей спящего леса»: отдельные элементы французского спектакля перешли в последующую традицию и знакомы современному зрителю именно по «Спящей красавице» Чайковского, Всеволожского и Петипа. Связи между французским и русским балетами прослеживаются на нескольких уровнях – на уровне масштабной

трансфикциональной вселенной персонажей, сочетающей в себе элементы реального и фантастического, в образах отдельных героев, в сходстве некоторых повествовательных мотивов, наконец, в элементах костюмов и сценического оформления.

В параграфе «От литературной сказки к либретто» отражаются ключевые трансформации сказки Перро при ее переходе в либретто Всеволожского и Петипа, анализируется влияние этих трансформаций на формирование семантического ядра балета. Оригинальное (и отчасти забытое сегодня) либретто русского балета представляет классический сюжет в «кристаллизованной» форме, лишенной значимых отклонений от традиционной схемы, хотя речь здесь идет не об упрощении сказки Перро, а о смене акцентов. Исчезают ироничные, порой фривольные нотки литературной сказки и упоминания бытовых деталей, балет обретает парадность, возвышенно-лиричную тональность и драматический пафос. Всеволожский и Петипа создают особый фикциональный мир волшебства и торжественной гармонии, который все же далек от идеализации, о чем свидетельствуют отдельные включенные в текст намеки на политическую проблематику. Ключевые персонажи наделяются характерами, манерами, образами, что приводит к ряду семантических изменений: к традиционному взгляду на сюжет как на сказку о борьбе добра и зла, взрослении и цикличности жизни, добавляются важные смысловые акценты на таких категориях, как свобода выбора и возможность совершения ошибок. Если в средневековых фиксациях сюжета его кульминационная часть, встреча Спящей красавицы и ее спасителя, еще хранила в себе явные отголоски обряда инициации, у Перро – описывалась с легкой иронией, у Жуковского – обретала черты романтической эстетизации, в либретто Скриба – вовсе заменялась перипетиями в духе водевиля, то в либретто Всеволожского и Петипа пробуждение героини становится настоящим апофеозом любви и победы искреннего чувства в борьбе со злом.

Наконец, в параграфе «Балет сегодня: интермедиаальный взгляд» проводится анализ процесса формирования нарративного вектора спектакля,

исследуются способы перевода вербального языка сказки на невербальные языки различных медиумов балета на примере постановки Мариинского театра в редакции К. Сергеева.

Показывается, что музыка «Спящей красавицы» способна не только структурно и стилистически сопровождать развитие действия, но и нести предупредительную функцию, ознаменовывать грядущие события (к примеру, антитеза мотивов феи Карабосс и феи Сирени). Сценография играет в балетном повествовании ту роль, что в вербальном отведена дескриптивам, т.е. связывает сюжет с определенным временем и пространством, погружает зрителя в ту или иную атмосферу. Кроме того, элементы сценографии дополняют «текст» балета метафорами, подсвечивают стершийся символизм истории, воскрешают ее мифологизм (связь с круговым временем) и ритуальность (репрезентация двоемирия), отошедшие на второй план в поздних литературных вариациях сюжета. Символизм поддерживается рисунками танца, кордебалетными построениями (линии nereid в сцене видения, линии и круги фей и духов в прологе). Отдельные метафоры возникают в балете и благодаря хореографическим элементам (совпадения движений в вариациях фей и в танцах Авроры напоминают о мотивах одаривания, «острые» туры предвосхищают момент укола и т.п.), тогда как основной событийный каркас конструируется посредством динамической визуальности, т.е. действий героев, пантомимы. Способность балета к «многоголосью», одномоментному развертыванию на сцене нескольких действий, дополняет историю рядом новых смыслов и даже позволяет включить в невербальный нарратив фигуру металеписа, разграничить различные уровни повествования.

Многие «фразы» и метафоры спектакля обладают полисемичностью, которая связана, прежде всего, с особенностями фокализации балетного нарратива и спецификой визуального медиума, задающего общий вектор прочтения истории, но не позволяющего однозначно трактовать те или иные символы. Так, текст либретто получает свой, более или менее точный, хотя и наделенный рядом новых значений, перевод на сценический язык, а затем, при

обратном переводе, при декодировании, обретает полифонию смыслов, порождающую большое количество интерпретаций сюжета и неугасающий интерес к балету, созданному более ста лет назад.

Результатом третьей главы стало рассмотрение механизмов перехода литературной сказки в либретто, были сделаны выводы о ключевых особенностях либреттных текстов, выявлены важные аспекты построения и функционирования невербального нарратива в балете.

В заключении подводятся итоги работы, намечаются перспективы ее продолжения. Проведенное исследование позволило выявить направления, формы и результаты трансформаций фольклорно-мифологического сюжета о «Спящей красавице» на примере его бытования в искусствах тех стран, где родились самые известные в мировой культуре «Спящие» – Франции и России. Диалог искусств двух стран в рамках исследуемого сюжета чрезвычайно плодотворен: начавшись с параллельного зарождения родственных сюжетов в народной культуре, он продолжился восприятием русскими писателями традиций французской литературной сказки, затем получил развитие в балетных адаптациях. Русский балет, вобрав в себя «все французское» (литературную основу сказки Перро, стилистические находки балета Омера, хронотоп эпохи Людовика XIV, хореографию воспитанника французской школы танцев Петипа, музыку в духе Рамо и Люлли³), стал мировым символом русской культуры, и именно в этом качестве его впервые увидела Франция во время русских сезонов Дягилева. Диалог этот продолжается и сегодня.

Выдвинутая гипотеза подтвердилась. Сюжетное ядро «Спящей красавицы», будучи лаконичным и подвижным, становится конструктором для авторских интерпретаций сказки, столь вариативных и уникальных при сохранении одной и той же основы. Наличие лакуны в функциональной структуре (бездействие главной героини, отсутствие традиционной открытой борьбы с агрессором и, как следствие, однозначного морализаторства) создает

³ Манулкина О. Грезы о прошлом: «Спящая красавица на пороге неоклассицизма» // «Спящая красавица»: буклет Мариинского театра / Под ред. О. Макаровой. СПб., 2022. С. 24-25.

пространство для новых мотивировок и порождает все новые прочтения сюжета. При этом можно заметить, что наиболее известные варианты сказки, ставшие классикой и не теряющие популярности спустя века с момента их создания, – это именно те произведения, структурное ядро и функциональный каркас которых наиболее полно совпадают со сказкой фольклорной. Следовательно, узнаваемость ядра, а также сохранение «спящих» мотивировок семантического потенциала сюжета – важные факторы, которые имеют первоочередное влияние на устойчивость той или иной интерпретации нарратива в культуре.

Большой корпус таких интерпретаций может послужить богатым материалом для продолжения исследования. Малоизученными остаются современные литературные «Спящие красавицы», некоторые редакции балета Чайковского, театральные и экранные адаптации сказки. Зародившись в глубокой древности в устном народном творчестве и преодолев долгий путь художественных трансформаций, сюжет продолжает жить современной культуре, способен вбирать в себя актуальную проблематику и служить пространством для отражения целого спектра различных художественных интенций.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, по специальности 5.9.2.:

1. Патракова, О.Н. Нарративная структура сюжета о «Спящей красавице» во французской народной сказке (La structure narrative du sujet de la «Belle endormie» dans le conte populaire français) / О.Н. Патракова // *Studia Litterarum*. – 2024. – Т. 9, № 4. – С. 288–301. (0,95 п.л.)

2. Патракова, О.Н. Сказка о «Спящей красавице» Ш. Перро в зеркале либретто И.А. Всеволожского и М. Петипа / О.Н. Патракова // *Известия*

Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2025. – Т. 25, вып. 1. – С. 67–75. (0,99 п.л.)

3. Патракова, О.Н. Фактуальное и фикциональное в истории Спящей красавицы из сборника сказок Тифэн Д / О.Н. Патракова // Современное профессиональное образование. – 2025. – № 5. – С. 247–251. (0,68 п.л.)

4. Патракова, О.Н., Алташина, В.Д. De «La Belle au bois dormant» à «La Belle au doigt bruissant»: une réécriture moderne du sujet classique / О.Н. Патракова, В.Д. Алташина // Казанский лингвистический журнал. – 2025. – Т. 8, № 3. – С. 336–347. (0,77 п.л. / 0,67 п.л.)

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, по смежным специальностям:

5. Патракова, О.Н. Первая «Спящая красавица» на балетной сцене: мифолитературные корни и нарративные трансформации / О.Н. Патракова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2025. – № 94. – С. 257–269. (0,75 п.л.)

Другие публикации:

6. Патракова, О.Н. «Спящая красавица»: от сказки к балету / О.Н. Патракова // Русская и зарубежная филология в диалоге культур: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2024. – С. 94–95. (0,09 п.л.)

7. Патракова, О.Н. Балет П.И. Чайковского «Спящая красавица» в диалоге искусств России и Франции / О.Н. Патракова // Сборник тезисов ЛП Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2024. – С. 235–236. (0,16 п.л.)

8. Патракова, О.Н. Генезис сюжета о «Спящей красавице» в европейской фольклорной и литературной традиции / О.Н. Патракова // Язык и культура в глобальном мире. – СПб.: Издательство «ЛЕМА», 2023. – С. 258–262. (0,55 п.л.)

9. Патракова, О.Н. Сюжет о Спящей красавице в русской и французской народных сказках. [Электронный ресурс] / О.Н. Патракова // Сборник тезисов XXV Открытой конференции студентов-филологов СПбГУ 18–23 апреля 2022 г. – СПб., 2022. – С. 123–124. – URL: <https://conference-spbu.ru/conference/47/reports/16715/> (дата обращения 23.12.2025). (0,05 п.л.)

10. Патракова, О.Н. Трансфикциональность современных французских сказок на сюжет о «Спящей красавице» / О.Н. Патракова // Сборник тезисов LI Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2023. – С. 249–250. (0,12 п.л.)

11. Патракова, О.Н. Функции моралите в сказках Шарля Перро. [Электронный ресурс] / О.Н. Патракова // Тезисы XXIV Открытой конференции студентов-филологов СПбГУ 19–24 апреля 2021 г. – URL: <https://conference-spbu.ru/conference/44/reports/14430/> (дата обращения 23.12.2025). (0,07 п.л.)